

A photograph of two women from behind, sitting on a rooftop at sunset. They are looking out over a cityscape with buildings and utility poles. In the foreground, two glass bottles, likely beer, are on a ledge. The scene is bathed in the warm, golden light of the setting sun.

Дарья Лаптева
Оксана Болдырева

АРОМАТ КАПРИФОЛИ

Продолжение следует...

**Дарья Лаптева
Оксана Болдырева
Аромат каприфоли.
Продолжение следует...**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41258678

ISBN 9785449636935

Аннотация

История о двух сестрах, которым пришлось самим добывать себе счастье во взрослом мире. А главное – учиться быть вместе и беречь сестринскую любовь, даже если зависть и ревность вынуждают ненавидеть.

Аромат каприфоли

Продолжение следует...

Дарья Лаптева
Оксана Болдырева

© Дарья Лаптева, 2019

© Оксана Болдырева, 2019

ISBN 978-5-4496-3693-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
АРОМАТ КАПРИФОЛИ

*

Бездонная тишина. Монотонный шелест жалюзи из-за сквозняка в открытом окне. Больничный запах хлорки, йода и свежих бинтов.

Почти не моргая, Флор напряженно смотрела на пустую белую стену перед собой, прогоняя в голове последние минуты их встречи.

Скулы едва дрогнули, когда, будто ощутив, она вспомни-

ла, как медленно он убрал свою ладонь с ее бледных тонких пальцев, потер лицо, остановив сомкнутые ладони у губ, закусил нижнюю губу и глубоко выдохнул, из последних сил сдерживая эмоции. Как, выходя, придерживал за собой дверь, словно чтобы не спугнуть чего-то... свою трусость, наверное...

Но сейчас все это было абсолютно неважно против того вопроса, который сдавливал ей грудную клетку, мешая дышать. Посреди всего происходящего остался лишь один вопрос: «Господи, что же я натворила?!»

Она отвернулась к стенке, сильно вдавив лицо в подушку.
...Грудная клетка сжалась, раздавила сердце.

*

Когда Флор вывезли из палаты, Бриджит на расстоянии проследовала за каталкой. Два этажа на лифте вверх. Слабый щелчок и двери в коридор, где находилась операционная, закрылись. Она немного покружила по коридору, пытается хоть немного сбить окутывающую ее с каждым вздохом панику, хотела было присесть, но двери лифта снова открылись, и из них вышел крепкий мужчина лет сорока пяти. Это был лечащий врач сестры. Бриджит вспомнила, как по приезду в больницу столкнулась с ним у входа в палату Флор. Подскочив к нему навстречу, Бриджит ухватила его за рукав халата: «Доктор! Прошу вас, скажите, ради Бога, как моя

сестра, что с ней будет?!»

«...Вы, кажется, Бриджит?»

Бриджит кивнула.

«К счастью, ее состояние было полностью стабилизировано, это дает нам возможность достаточно быстро перейти к дальнейшим действиям. Разумеется, вам надо понимать, что травмы позвоночника – крайне серьезные, реабилитация после них очень тяжелая, как физически, так и морально. Сейчас сложно делать прогнозы. Операция продлится не менее четырех часов, отдохните пока... Извините, мне нужно идти»

«Да... да, конечно», – Бриджит глубоко вздохнула и оперлась обеими руками на подоконник. Ее сильно мутило, она едва держалась на ногах.

«Девочка, да на тебе совсем лица нет, на-ка», – пожилая медсестра, проходившая мимо, протянула ей пластиковый стаканчик с водой и успокоительную таблетку.

«Спасибо».

Оставшись одна, Бриджит опустилась на пол, обхватив колени обеими руками: «Главное, что она жива, говорит, видит, слышит, дышит... Со всем остальным мы справимся, все будет хорошо...»

*

Почти в ту же самую секунду за двумя стенами на хо-

лодном операционном столе, отвлекаясь от подкатывающих к горлу слез, Флор вспоминала слова доктора, разговор с которым был почти сразу же после того, как она пришла в сознание. Возможно, он обманывал ее, когда успокаивал и вселил надежду. Сама она не знала случаев, когда после таких травм люди вновь поднимались на здоровых ногах. Доктор и не скрывал, что ее состояние было непростым, однако старался подбодрить ее. Всегда есть примеры маленьких и великих чудес, но нужно быть готовой ко всему.

Как же ей хотелось думать о чем-то другом... Как же хотелось освободиться от всех этих иголок, трубок, капельниц, бинтов, будто это была досадная случайность. Зажмурить глаза, чтобы, открыв их, обнаружить себя дома в теплой постели и любимой пижаме.

Нет, никак нельзя. Никак нельзя самой встать и уйти. Вся ее жизнь перевернулась. И это случилось с ней, ни с кем-то из газетных хроник, а именно с ней. Она на всю жизнь останется инвалидом. И ничего хорошего с ней больше не произойдет. Теперь она будет только существовать, и бороться с собственной жалостью к самой себе. И видеть эту жалость и сочувствие в глазах других. И в его глазах тоже. Она будет в тягость. Инвалид. На всю жизнь.

Флор от злости и отчаяния несколько раз ударила себя по ногам, не ощущая от них ответной ожидаемой боли.

Доктору легко говорить. Надеяться. Но нельзя же просто лежать и надеяться. Ведь жизнь продолжает идти. А чем за-

полнять все оставшиеся от надежд минуты времени. О чем мечтать, думать?

Вспомнила родителей...

Нет, она не сможет привыкнуть. Это сильнее ее. Какая же это жизнь?! Зачем ей обещают успешную операцию, если уже подготовили к самому худшему? По их мнению, самое худшее уже позади. Нет! Худшее сейчас! Оно будет впереди и навсегда. И ничего не поможет. Ничего не изменится.

«Вы готовы?», – обратился к ней мужской голос, прервав ход удушливых мыслей.

Флор повернула голову к врачу и едва кивнула.

«Приступаем»

Холодок в грудной клетке, быстро подбирающийся к горлу.

«Господи, помоги!...», – взмолилась Флор в последнюю секунду, закрывая вмиг отяжелевшие веки от разливающегося по венам наркоза.

*

Бриджит ехала домой на такси, и, хотя на улице шел неприятный морозящий дождь, она наполовину опустила стекло, так что капли попадали ей на плечо.

«Пожалуйста, здесь остановите», – Бриджит протянула водителю скомканную купюру.

«Но ведь мы еще не доехали?»

«Я хочу выйти здесь»

Таксист пожал плечами и притормозил где-то в районе Дантауна. Ему, по-большому счету, все равно.

Бриджит вышла, едва не наступив в глубокую лужу у бордюра. Она была без зонтика и в легкой кофте. Присела на первую попавшуюся скамейку на остановке, подложив сумку на мокрую пластмассу, достала из кармана кофты мятую пачку ментоловых сигарет. С трудом прикурив намокшую сигарету, она наблюдала, как легкая струйка дыма сквозь капли медленно пробиралась вверх.

Сколько помнит Сиэтл, она всегда любила его центр. Такой оживленный, многолюдный, разноцветный. Особенно после дождя, когда чистые прохладные витрины переливаются светящимися лампочками с яркими надписями о намечающихся распродажах и акциях. На самом виду здесь можно спрятаться ото всех. Потому что ты здесь никому не нужен, и никто тебя не ищет.

Мимо наперегонки бегут люди с зонтами. Машины гудят, включили фары. Темнеет. За спиной слышно, как опускаются тяжелые металлические жалюзи закрывающихся магазинов. Молодая мамочка ведет за руку двоих ребятишек. Прикрикивает на них, чтобы поспешили. У них тоже нет зонта.

Бриджит проводила их взглядом. Глядя на них, она вспомнила, что они с Флор, когда были маленькие, также любили останавливаться возле каждой яркой витрины и подолгу так стоять, примкнув лбами к холодной поверхности

стекла, дыша на него, чтобы потом на месте горячего дыхания написать слова или рисунок. А мама потом говорила им про грязные окна и микробы.

Она поежилась от небольшого озноба из-за намокшей одежды и достала новую сигарету. Уходить со скамейки, несмотря на непрекращающийся дождь, не хотелось.

Вспомнила, как прошло их детство в утопающем в зелени Бойсе в штате Айдахо. Вспомнила, как они с мамой любили ходить по магазинам, как она обожала выбирать наряды... Флор была вынуждена сопровождать их от начала до конца длинной магазинной прогулки. Обычно вещи для себя она выбирала в первые сорок минут, остальные пролеты сквозь манекены и вешалки наматывались исключительно для Бриджит. Флор скучала и, чтобы скрасить монотонность процесса, шутливо подкалывала младшую сестру. Та бесилась и жаловалась маме. Временами Флор не удавалось вовремя остановиться, и тогда без слез не обходилось. Мама, конечно же, вступалась за Бриджит, но Флор была бескомпромиссна, обвиняя сестру в полном отсутствии чувства юмора. На выходе из магазина, вдохнув поглубже свежий воздух, в знак примирения Флор все же обнимала Бриджит и обещала так больше не делать.

Дома все было иначе. Они жили на юго-востоке города, в тихом районе, где всех соседей знаешь в лицо и по имени. Родители очень любили и баловали своих дочерей. По силам и возможностям, конечно. У каждой была своя комна-

та, но когда Бриджит была маленькая, ее почему-то всегда тянуло на территорию Флор. Чаще всего она располагалась на полу со своими любимыми игрушками и иногда просила сестру поиграть с ней. Флор не возражала против нарушения ее личного пространства и, когда не вынуждена была играть роль куклы Кена, уютно шуршала страницами интересных книг и тинейджерских журналов, угнездившись в своей кровати. Спустя много лет Флор вспоминала, что одним из самых действенных успокоителей для нее были звуки молний и липучек, раздающиеся каждый раз, когда Бриджит не спеша передевала своих кукол. Флор была старше сестры всего на четыре года, но куклам никогда не доверяла. Такой уж был характер.

Их отец занимался продажей поддержанных авто. Это не было его призванием, скорее источником средств существования, чтобы обеспечить и накормить свою семью. Но машины он любил по-настоящему. Обожал чинить, и налаживать их, знал железные внутренности от и до. На одну зарплату автомеханика было очень трудно прокормить двоих детей, жену и еще выплачивать кредит за дом. Поэтому только ради денег он занимался безрадостным делом – приукрашивал потенциальным покупателям то, чего не было в машинах, и умалчивал о том, что с ними было, но не должно было быть. Потом, когда приходил домой, за совместным ужином, он рассказывал, как продал ту или иную машину, что с ней было не так, как пришлось выкручиваться. Но все-

гда старался быть честным человеком и говорить покупателям правду о недостатках выставленной машины и причинах ее перепродажи. Немного повзрослев, Флор жалела отца, понимала и любила его главную отдушину – в воскресный вечер пролистать очередной выписанный номер журнала автолюбителя, с любопытными репортажами о новинках автомобильного рынка и о его незабвенной классике.

*

Вспомнила Акито. Так звали их пса породы «американский акита». Таковую кличку ему дала Флор, просто изменив «а» на «о» в названии его породы, прекратив тем самым бесконечны споры по этому поводу. Он оказался у них совершенно случайно, еще маленьким щенком мама заметила его чумазого и голодного возле помойного ведра своей парикмахерской и не смогла пройти мимо. Дома все были счастливы такой находке. Кормила, мыла и вычесывала его Бриджит, Флор добросовестно выгуливала его каждое утро и вечер, и бывало, что Акито разрывался – к какой из своих маленьких хозяек ему бежать первой, чтобы лизнуть нос и щеки шершавым языком.

*

...Бриджит... твоя мама любила в молодости французское кино с Бриджит Бардо? Этот вопрос ей не задавал только ленивый. Потом уже через много лет только два человека не удивились ее имени. Один, возможно, из-за безразличия, а другой – наверное, потому что она и была именно такой – его Брижит. Он так ее называл, без «д».

*

Вспомнила тот год, когда Флор исполнилось двадцать три. Она должна была получить степень магистра, впереди оставалась лишь защита. Чтобы потом уехать. В Нью-Йорк, конечно же. Только в Нью-Йорк! А вдруг повезет, вдруг будет удача... Все были рады за Флор, за ее смелые мечты, вся семья гордилась старшенькой, и никто не смел ее отговаривать. Мама, конечно, сильно переживала, как Флор там будет справляться одна, как устроится, как обойдет вредные привычки и прочие соблазны. Как будет кушать, с кем встречаться и проводить время, свободное от работы. Будет ли писать, звонить, навещать их по праздникам или закрутится с головой в душном мегаполисе...

Флор всех успокаивала. Себя – в первую очередь. Сразу

одна, безо всякой поддержки. Из всей родни только Бриджит эгоистично не хотела, чтобы она уезжала.

*

Бриджит совсем промокла, стало холодно. Пришлось подняться и пойти в маленький паб сразу же за остановкой. Заказала себе порцию двойного виски с колой, чтобы согреться. В пабе была плохая вытяжка, почти нечем было дышать. Но ее не смущало отсутствие воздуха, хотелось курить, не переставая, одну за одной, машинально сбрасывать пепел, не отвлекаясь от мыслей, тревожащих ее душу.

Она ни на секунду не забывала тот день, всеми силами стараясь избавиться от воспоминаний о нем. Но один раз в году она неизменно возвращалась мыслями в тот страшный миг...

*

В тот миг все почернело и перестало существовать. Рухнули планы, мир, небо. Жизнь перевернулась. Была ранняя весна. Родители ехали с ранчо маминой двоюродной сестры. Уже светало. Шоссе было почти пустое. Водитель фуры заснул за рулем и выехал на встречную полосу. До дома оставалось всего двадцать миль из двухсот пятидесяти, которые

они уже проделали. Смерть отца наступила мгновенно. Мама скончалась спустя сутки после него. Вопреки всему она боролась за свою жизнь, зная, что обязана выжить для своих детей. Казалось бы, смерть миновала. И лишь она одна чувствовала, что это не так. После вскрика «Мои дочери!», ее сердце остановилось навсегда. Слезы продолжали литься из ее потухших глаз еще несколько секунд...

Позвонили из больницы: «Ждем вас на опознание...»

Каждый последующий вздох давался с трудом. Флор спустила ноги с кровати на пол. Не выпуская трубку из окаменевшей руки, тягучим медленным шагом отошла в самый дальний конец комнаты. Телефон тащился за ней, натягивая струной провод. Ноги подкосились. Она упала на пол, сжавшись в комочек. Пальцы продолжали сжимать телефонную трубку, в которой теперь монотонно жужжали прерывистые гудки. Будто бы она имела тонкую связь с родными, любимыми ею людьми. Ладони поledenели, и все тело прошибла сильная дрожь. Ей показалось, будто что-то лопнуло в ушах и разлилось, затопило все внутри.

Бриджит вскочила от жуткого воя. Сначала она даже не поняла, что это за звук – во сне или наяву. Испугавшись, она бегом понеслась в комнату сестры: «Что случилось?!»

Вой превратился в рыдания. Флор с трудом перевела взгляд на сестру: «Они! Авария... Мама... Они погибли!!!! Погибли!!!!»

На похороны приехали все родственники. Некоторых из них Флор видела впервые. Пришли близкие друзья семьи Харпер, их коллеги по работе, соседи по улице. Говорили, вспоминали, оплакивали. Флор пришла одна. Бриджит все эти дни не выходила из своей комнаты, рыдала без остановки. Вся организация похорон свалилась на плечи Флор, но об этом она сейчас задумывалась меньше всего. Делала, ходила, обзванивала, заказывала все будто для кого-то еще, но не для них.

«Пора выходить», – Флор приоткрыла дверь.

«Иду», – сделав два шага, Бриджит оступилась и, присев на корточки, разревелась с новой силой.

Было решено оставить ее дома.

Флор стояла в центре возле гроба мамы. Кто-то постоянно поддерживал ее за локоть, потому что несколько раз она была близка к обмороку. Будто оглохла, ничего не слышала. Ни прощальных слов, ни проповеди священника. Сильно зажмурилась, так не хотелось открывать глаза. Если бы можно было загадать лишь по одному огромному желанию воскресить их, все повернуть вспять... Если бы только можно было...

Кто-то положил ей в ладонь горстку земли. Но она так и не смогла кинуть ее на крышку гроба, боялась услышать

этот жуткий глухой звук. А потом... звук лопат, чиркающий землю. Все это смутно пронеслось мимо. Потом все стали расходиться. Флор, наверное, должна была уйти самой последней. Но она не смогла больше стоять возле двух холмов свежих могил и принимать соболезнования. Ей казалось, что она не туда попала и совсем не знает всех этих людей.

Флор развернулась. Сзади неё все это время стояла их тетька. Та самая, двоюродная по линии мамы. Живя неподалеку, она частенько приезжала к ним погостить и приглядеть за детьми. Пока не переехала жить к мужу в соседний штат.

«Мэг, спасибо, без тебя я бы не справилась»

Тетка по-матерински обняла племянницу за плечи и крепко прижала к себе. Флор хорошо запомнила эти объятия. Похожи на мамины, но так как обнимала своих девочек она, больше уже никто не повторит. Она прислонилась близко к её уху и прошептала: «...Пожалуйста, пусть они не придут. Я никого не хочу видеть»

*

Бриджит ждала Флор на крыльце, сидя в небольшом закутке рядом с дверью. Сидела неподвижно, смотря в пол. Флор сама подошла к ней и попросила обнять. Бриджит с чувством обеими руками обхватила сестру за плечи: «Прости, что оставила тебя одну, мне очень стыдно»

Флор уткнулась в сестринское плечо и горько заплакала.

Около недели они не выходили из дома. Почти не прикасались к еде. Большую часть времени днем – спали, ночь мучились от бессонницы. Бриджит молчала, сидя на подоконнике возле открытого окна, пытаясь заикнуться на уличных мелочах, но внешний мир расплывался перед глазами.

Флор сил хватало только на то, чтобы покормить Акито и отпустить его на улицу. Он сам управлялся со своими делами и возвращался домой.

Спали все вместе. В кровати Флор и под одним одеялом. Акито – в ногах. Чтобы пойти и взять свои вещи из соседней комнаты – разговора не было. Бриджит не отходила от сестры далеко ни на секунду. Это было не трудно. Флор и сама никуда не выходила из комнаты. И ни о чем не просила. Только иногда спускалась на кухню и варила себе крепкий черный кофе. Без сахара.

Однажды утром Флор проснулась и резко побежала в туалет. Ее сильно рвало. Вернувшись в свою комнату, она тихо простонала: «Я так больше не могу, нам нужно что-то делать, нужно жить дальше...»

Бриджит без колебаний поднялась за ней.

В банке была длинная очередь, они попали как раз в час пик, когда многие вместо или во время обеденного перерыва занимались своими неотложными делами. Посидев какое-то

время на стуле, окруженная громкими голосами, руками, телами, посторонними запахами, Бриджит не выдержала: «Я на улице подожду, если можно». Флор кивнула.

Сев на край свободной скамейки, стоявшей прямо напротив входа в банк, Бриджит ушла в свои мысли. Было уже все равно, о чем думать, главное, чтобы о другом... утрамбоваться плотными воспоминаниями. О чем-то другом. Но о чем, когда все внутри так адски жжет и сердце заходиться от боли.

Она вспомнила, как они с сестрой часто приходили в этот банк вместе с родителями. Послушно сидели в сторонке. А потом, завершив дела, все вместе шли куда-нибудь гулять. В центр или парк. Но однажды после банка они никуда не пошли. Они с Флор были сильно наказаны. За день до этого их застучали за раскуриванием сигарет. В тот день Флор с Майклом – своим другом из соседнего дома – сидели на заднем дворике. Родители уехали в магазин. Флор оставалась за старшую. Пообещав Бриджит одну затяжку за молчание, она вместе с Майклом на крыльце прикуривала свою первую в жизни сигарету. Майкл решил, что одна сигарета – это явно не круто и попросил Бриджит, заходившуюся в кашле от первой пробы, подержать две уже прикуренные им ранее, а сам поджигал третью. В этот момент во двор и заехали родители. Флор с сигаретой в зубах и Бриджит с дымящейся распальцовкой и перекошенной от ужаса улыбкой были застигнуты врасплох. Как же тогда кричал папа. Угрожал рем-

нем и лишением подарков на Рождество. Естественно, после этого случая обе забыли дорогу к табачной коробке отца Майкла.

Вспомнив лицо отца, Бриджит прикрыла рот ладонью, пытаясь сдержать слезный порыв, но без толку. Прохожие стали коситься. Пришлось встать, чтобы немного успокоиться. Она стала ходить вокруг маленьких клумб, вытирая покрасневшее лицо уже не свежим краем джемпера. Хотелось зайти обратно в помещение банка, взять Флор за руку, обнять ее, послушать ее голос. Но там все эти люди. Они ненавистны в своем любопытстве. В сочувствии, жалости, сострадании. Даже в своем добродушном желании помочь, они все равно остаются чужими людьми. Посторонними.

Сейчас ей никто не нужен, кроме сестры.

*

Поблагодарив сотрудницу банка, Флор заняла самый дальний столик и, аккуратно пересчитав, убрала банкноты вглубь сумки.

Наконец-то она вышла из душного помещения банка.

«На первое время деньги у нас есть, я сняла немного наличных, остальное пусть остается на счете, так, кажется, надежней. Будем расходовать экономно»

Бриджит повернулась к сестре, какое-то время вглядывалась в худое и бледное лицо Флор: «Почему это произошло

с нашей семьей?», – она снова уткнулась лицом в ладони.

«Я не знаю...», – Флор обняла сестру, хотела добавить еще что-то, но не нашлась. Что говорить в такие секунды? Какие слова ей самой нужно услышать сейчас, где найти силы?.. Она не знала, этому никто не учит.

Бриджит постепенно успокаивалась.

Флор: «Ладно, пойдем»

Зайдя по пути в магазин, Флор купила на мелочь две пачки сигарет и зажигалку. На улице, тут же прикурила, убив несколькими затяжками всю сигарету. Рядом был сквер. Они присели на ближайшую к проезжей части скамейку. Флор снова прикурила и глубоко затянулась, выпустив дым через ноздри. Во всем ее теле чувствовалось огромное напряжение. И эта сигарета закончилась уже после семи затяжек. Бриджит даже не удивилась такому повороту событий в здоровом образе жизни сестры. После нескольких минут молчания, она, шумно вздохнув, произнесла: «Ты ведь меня возьмешь с собой?»

Флор удивленно нахмурила брови: «Куда?»

Бриджит: «В Нью-Йорк»

Флор: «Ах, ты об этом. Нет, ничего не выйдет у меня с Нью-Йорком...»

Бриджит: «Это из-за меня? Со мной тебе будет тяжело? Да?»

Флор: «Да. Это правда»

Бриджит помолчала, потом тихо: «Я буду тебе во всем по-

могать, обещаю»

Флор: «Это, конечно, хорошо, но пока мне нужно защититься – закончить уже колледж, работу нормальную найти, теперь нам рассчитывать не на кого».

Бриджит опустила голову на колени. Сигаретный запах, исходивший от сестры, щекотал ноздри. Флор закурила именно сейчас или же она иногда баловалась, просто тщательно скрывала это. Зачем она курит? Разве это помогает? Успокаивает? В их семье никто не курил, и родители всегда это повторяли, особенно папа после того случая. Папа... папа... Теперь ты больше не появишься вот так внезапно, угрожая заставить съесть всю пачку, если увидишь еще раз...

Бриджит подняла голову и робко окликнула сестру: «Флор?»

Флор: «Да?»

Бриджит: «А, зачем ты куришь? Давно?»

Флор: «Да нет, может несколько месяцев. Последний год один сплошной кошмар – экзамены, отъезд мой в Нью-Йорк. Мне Триша сказала, что это нервы успокаивает лучше любого чая. Я не поверила, попробовала. Потом еще раз попробовала, действительно расслабляет. Приятно, даже внутри, такой холодок, от ментоловых особенно. Был момент, когда подумала, что все, хватит – побаловалась, пора завязывать. А после этого увидела фото в журнале – центральное Нью-Йоркское кафе, на улице темно и лишь огни мерцают на заднем фоне. У окна сидит девушка, одета так... элегантно, си-

дит на высоком барном стуле, положив локоть на стол, возле нее белая фарфоровая чашка на блюде, она смотрит в окно и не спеша затягивается белой тонкой сигаретой. В кафе она, похоже, одна и такой уютный свет исходит от абажура над ней. А из глубины кафе, наверное, слышна тихая музыка. Джаз или блюз. Где-то позади бармен вытирает бокалы чистым бумажным полотенцем... И я тогда подумала – я тоже именно так хочу, сесть где-нибудь в центре Нью-Йорка, думать о своем и медленно-медленно затягиваться тонкой ментоловой сигаретой...»

Бриджит: «Флор?...»

Флор: «Да?»

Бриджит: «Можно мне попробовать?»

Флор: «Что?»

Бриджит: «Дай мне тоже попробовать...»

Флор нахмурила брови: «Зачем это еще?»

Бриджит не стала отвечать, да и что ответить на такой вопрос. Сидели молча, тишину прерывал только шорох под подошвой кого-то из них, когда возили ногой по песку.

Флор сдалась первая: «Ладно, держи, если хочешь. Надеюсь, тебе не понравится. Ты пробовала когда-нибудь?»

Бриджит: «Один раз, очень-очень давно. Мы же вместе были, помнишь?»

*

Уже по дороге домой, Бриджит, смотря на улицу в окно автобуса, почувствовала, что мир стал казаться ей чуточку светлее, будто резко стемнело, а потом зажглись фонари. Много, много фонарей. И всем этим светом для нее была Флор.

*

На 8-й улице Бойса самые шумные бары. Вернее, одни из самых шумных. Так считали жители соседних домов. Может, им не с чем было сравнить, а может, они и впрямь являлись таковыми. Звук шаров, ударяющихся о край бильярдного стола, смех парней и веселый визг их девчонок. Музыка, которую на собственный вкус можно было выбрать в джукбоксе и неизменный бармен, знающий всех посетителей по именам. Сестры частенько проходили днем мимо таких заведений. Но днем все не то: со стороны улицы они выглядели как обычные закрытые магазины с большими витринами. Мода была на неоновые вывески, которые зажигались с наступлением темноты. И наступало их время, бары широко раскрывали двери, обдавая посетителей спертым залежалым воздухом.

Иногда там вживую пели мужчины лет сорока, с прокуренными голосами, не выпуская сигарету из губ. Пока рука рвала струны гитары, их похотливый взгляд успевал прожечь одежду не одной женщины. Обычно после выступления они уходили с одной из этих женщин, у которой были более заманчивые чулки, либо самая упругая задница. Флор с сестрой не знали этой атмосферы. Женщины боролись за мужчин, мужчины боролись за выпивку. Женщины с завистью оглядывали соперницу, у которой сексуальнее платье и есть то, чему положено из него выпирать. Мужчины с завистью глядели на тех, кому бармен наливал выпивку в долг. И всегда было очень накурено.

Флор успешно защитилась, и было решено немного отметить это событие. Они выбрали самый дальний от входа край барной стойки. Флор взяла себе джин-тоник, Бриджит заказали коктейль. Ничем особенным они не выделялись из основной массы. Может, только более скромной одеждой...

На каждую алкоголь действовал по-своему. Бриджит с интересом разглядывала посетителей, подслушивала, о чем они говорят, для нее все это было в новинку. Взрослые мужчины и женщины. И она среди них. Ей изо всех сил хотелось поскорее забыть все произошедшее с ними за последнее время, заполнить голову чем-то свежими, легким, светлым. Но все старания были напрасны. Единственный источник, из которого Бриджит черпала жизненные силы: она просто на секунду представляла, каково бы ей было сейчас, если бы

она осталась одна. Без сестры. Одна в этом баре, одна на улице, одна в городе, во всем мире она была бы одна. Наедине со своей болью. Но она была не одна. И от этой может быть ничего конкретно не значащей мысли, ей становилось реально легче.

У Флор все было иначе. Алкоголь ожесточал ее, разогревал итак полыхающую внутри рану. После каждого выпитого глотка она становилась все более мрачной, погружаясь в безысходность.

«Слушай, я знаю, ты будешь против, но все же – давай уедем от сюда, иначе мы наглухо завяжем здесь в своем отчаянии. Нужно начать новую жизнь на новом месте. Не могу, больше не могу снова и снова возвращаться в этот дом, где все пропитано нашими слезами, всеми этими запахами, воспоминаниями! ...Здесь у нас нет будущего, здесь у меня нет желания ни улыбаться, ни радоваться, ни любить... даже просто думать о чем-то хорошем – нет сил...»

Флор долго говорила. Сначала тихо, чтобы никто не услышал, потом все громче и громче, уже не замечая постороннего любопытства. Казалось, ей было даже все равно, слушает и самое главное слышит ли ее Бриджит. Просто нужно было выговориться. Она очень много курила, не успев прикончить одну сигарету, тут же закуривала следующую, сильно жестикулировала и часто моргала, чтобы не дать слезам помешать ее словесному порыву. Бриджит смотрела на сестру. Не отвечала, не встревала, не кивала. Но уже после второго

ее предложения думала о своем.

Наконец, Флор выдохлась: «Ладно, просыпайся. Я закончила»

Бриджит: «Ты хочешь уехать в Нью-Йорк?»

Флор вскинула брови: «Ты так часто спрашиваешь меня об этом, но нет, я хочу уехать отсюда, и давай не будем больше о Нью-Йорке»

Бриджит кивнула и, улыбнувшись, толкнула своим плечом плечо Флор: «Пойдем писать список».

*

В жизни каждой девушки есть, был или будет человек, который будет любить ее больше жизни, будет ловить каждое ее дыхание и нежно согревать его в своих ладонях. Это молодой человек, не совсем еще мужчина в силу возраста. Взрослые мужчины не умеют так любить. Любить безответно. Он никогда не появляется в твоих мечтах жаркой июньской ночью, не его фотографию ты держишь в мокрой от слез ладони и не за его объятия ты готова предать весь мир и саму себя.

Флор никогда не любила Майкла. В детстве они делили один горшок, а лет в четырнадцать решили испробовать друг на друге первый поцелуй. Только для Флор это было не более чем любопытство, а Майкл перестал есть и улыбаться. Флор смеялась и рассказывала ему все самое сокровенное как лучшей подруге, Майкл же сжимал губы и набил руку,

рисую ее портреты карандашом на тетрадных листах. Время шло, а они все так же притворялись что дружат. Вернее, притворялся Майкл, Флор иногда совсем забывала о его существовании. Но в минуты слабости или печали, он всегда был рядом с ней.

Со временем он стал держать ее руку в такие моменты слабее, просто стал понимать, что ему не хватает длинных волос и юбки, чтобы совсем походить на ее подругу. А в одну из весенних ночей он стал мужчиной. Девушка, с которой он познал первые ощущения и приступы счастья, была не Флор. Нельзя сказать, что он ничего не чувствовал к той девушке, что грезил только Флор. Майкл никогда не был тряпкой, у него было много отличных друзей и подруг. Никто не лез с вопросами про его чувства к Флор, про его мысли по этому поводу, не навязывал советов, и Майкл был им очень благодарен за это. Он не собирался принести свою жизнь в жертву бесконечной любви без взаимности и очень не любил слезливое женское кино. Он влюблялся и проводил ночи, но не любил. Просто решил, что так ему будет проще жить.

Бриджит впервые в жизни поняла, что значит дом, свой дом, родные стены которого укроют тебя от суровой грозы.

«Флор! У нас есть что-нибудь от головной боли?»

«Не надо пить всякую дрянь, ложись лучше спать, завтра будет тяжелый день»

«Ты чего такая?», Бриджит высунулась в дверной проем на голос Флор.

«Я к Майклу, хочу попрощаться», – тихо ответила Флор, закрывая за собой дверь.

Она шла к дому Майкла и не могла подобрать нужные слова для него. В голове, как на зло, не было никаких сентиментальных мыслей, чтобы настроиться на разговор. И что за особые слова такие она хотела подобрать? Ведь он действительно был ей просто другом. Она никогда не претендовала на большее, и лишних поводов ему не давала. Скорее наоборот.

Она остановилась возле его дома, прислонилась спиной к фонарному столбу и закурила. Перед ее глазами по тускло освещенной дороге мимо пролетали машины. Совсем скоро, думала Флор, и я вольюсь в этот поток, и пусть он унесет меня туда, где мне станет легче дышать. Сигарета тлела, а сердце так и не подсказывало нужных слов.

Позвонила в дверь. В глубине уютного небольшого дома слышались торопливые шаги, открылась дверь, и Флор жадно вдохнула в себя воздух, который может быть только в доме, где есть семья. Пахло ужином и свежестиранным бельем. Ах, Майкл, Майкл... зачем же ты так смотришь на меня... Все внутри Флор разрывалось. Ей так стыдно было смотреть ему в глаза. Вот именно, что стыдно. Когда не любишь – не больно, а стыдно. Она тут же вспомнила, как это было, когда она встретила в парке мальчика, который ей сильно нравился, с другой девушкой. Он назначил ей свидание в тот же день в этом же парке у фонтана, но за-

был об этом. Он ей очень сильно нравился... Майкл гладил ее по голове, пока она рассказывала ему эту историю, захлебываясь слезами, и в его взгляде было лишь искреннее сочувствие к ее переживаниям. Не к самому себе... Он всегда стойко выдерживал ее невзаимность.

«Флор, привет... Хорошо, что зашла, я уже начал волноваться. Телефоны молчат, дома нет никого, где вы были? Как Бриджит?»

Флор, ускользая от его крепких объятий: «Она дома, отдыхает»

Майкл: «Проходи, будешь что-нибудь?...»

Флор отрицательно помотала головой: «Извини, я на минутку зашла, хочу тебя кое о чем попросить...»

Майкл: «Конечно, говори»

Флор молчала, слова застряли где-то посреди горла, взгляд уперся в дверной косяк за спиной Майкла.

Майкл: «Флор?...»

Она перевела на него взгляд: «Мы с Бриджит уезжаем отсюда...»

Майкл слегка нахмурил брови: «Когда? Надолго?»

Флор: «...Завтра, боюсь, что навсегда»

Четыре слова, но как тяжело они дались ей, и как надолго они застрянут в сердце Майкла... Четыре слова – и внутри кровоточит все живое. Флор кусала нижнюю губу и молча смотрела на него, сожалея о том, что пришла сюда. Майкл спустился по лестнице во двор, встав к Флор спиной. Она

всегда поступала так, как ей захочется. На что она решится – так и будет. Значит так и должно быть. Он хотел помочь ей освоиться, заново встать на ноги. Дать ей немного отойти, помочь вернуться к жизни после случившегося. Конечно, что тут скрывать – он не только помочь хотел. Верил, что когда-нибудь он возьмет реванш во всей этой долгоиграющей неразберихе отношения Флор к нему. А теперь с ним остается пустота, в которой он не увидит ее серо-зеленых глаз и прекрасной улыбки... Пустота, к которой он должен будет привыкнуть.

Наконец, он нашел в себе силы и повернулся к ней лицом: «Чем я могу тебе помочь?»

Флор сжала пальцы замком, так что на кистях рук выступили побелевшие костяшки, голос задрожал: «Мы не хотели бы брать с собой Акито, сами пока не знаем, где остановимся, а ему уже немало лет, не хотелось бы изматывать его дорогой и переездами...», она сделала паузу, посмотрела Майклу прямо в глаза, – «Акито знает тебя и очень любит... ты не чужой нам человек... и я хотела бы попросить тебя за ним присмотреть какое-то время, а потом я приеду и заберу...», и поспешила добавить: «...деньги на расходы мы конечно же оставим»

Майкл слегка улыбнулся: «Конечно... Акито – замечательный пес, и все будут только рады ему, можешь не переживать за это»

Флор сама не понимала, что с ней происходит, но сле-

зы переполняли ее изнутри, она всхлипнула, сдерживаться больше не было сил. Майкл подошел к ней и крепко обнял: «Флор, успокойся, пожалуйста, запомни, я был и по-прежнему остаюсь твоим другом, и ты можешь без колебаний всегда рассчитывать на меня»

После того, как Флор покинула его участок, Майкл еще недолго постоял, смотря в ту сторону, куда она ушла. Сжав губы в тонкую линию, он тихонько качал головой, будто бы в знак согласия со своими мыслями. И вернулся в дом.

Флор зашла в гараж. В темноте мигнули фары, отозвавшись на кнопку брелка. Она включила свет и аккуратно стянула брезентовое покрывало с машины. Перед ней на свет медленно появлялся отцовский мустанг «Элеонора» серо-голубого цвета. Когда-то давно он отыскал его на одной из городских автомобильных свалок с разбитым капотом и крышей, и, несмотря на протесты жены, купил этот седьмого года автомобиль за бесценок, доведя его в своем гараже до совершенства. Отец всегда ездил на нем один и очень редко, но каждый раз, возвращаясь после таких поездок, был поистине счастлив. Когда Флор начала проявлять интерес к машинам, проводя в мастерской с отцом свободное после школы время, он пообещал сохранить Элеонору для неё, а себе купил злополучный джип, рассчитывая на его безопасные габариты. Но габариты джип не уберегли, грузовик придавил его к земле, как жука.

«Она хоть на ходу?», – Бриджит в пижаме стояла в двер-

ном проеме.

«Не сомневайся», Флор, будто совсем не удивилась неожиданному появлению сестры – «ты чего не спишь?»

«Не знаю», – Бриджит пожала плечами и зевнула «а ты?»

Флор прошла вдоль машины, проведя пальцами по пыльному капоту «и я, даже не объяснить словами, просто чувствовала, будто эта машина меня здесь ждет. Отец в нее душу вкладывал, и она любила его. Это как собака: помнит его запах, резину подошвы, кожу ладони, силу его помнит, когда он давил на газ. Она и нас не подведет»

Бриджит, всматриваясь в ее колеса: «Понятно... а ты уже ездила на ней?»

Флор улыбнулась: «Нет, но не переживай, мы с ней тоже подружимся»

В гараж зашел заспанный Акито. Сердце у обеих разрывалось от мысли, что они оставляют его здесь одного, как же он будет без них?.. Флор подошла, присела рядом с ним и, потрепав за морду, крепко обняла: «Пойдемте спать».

*

Флор резко дала по газам, и позволила себе улыбнуться. Одной рукой она придерживала руль, другую высунула в окошко, чтобы ладонь обвивал прохладный ветерок. Они уезжали прочь из города, где уже несколько недель не было солнца.

Целый день Флор старалась не заострять внимание на своих эмоциях, связанных с отъездом, потому что каждое неверно истолкованное чувство могло оставить все на своих местах. И это будет продолжаться до бесконечности. А в этом доме уже ничего не изменить. Даже если поменять цвет стен и всю мебель, перекрасить крышу и окна – все равно ничего уже не вернуть и никак не забыть то страшное утро и эти дни после похорон: как они прощались с тетей возле калитки, как ее ждала внутри заревавшая Бриджит, как она сама заходила плачем, уткнувшись в подушку, чтобы не видела сестра. Как дышать этим воздухом, которым пропиталось все пространство внутри и просыпаться каждый день, спускаться вниз, подходить к плите, чтобы сварить кофе, а потом сидеть за столом и пить его маленькими глотками, глядя в окно. Без них. Это невозможно. Наверное, только через много-много лет... В общем, это все едва ли когда-нибудь выветрится, сейчас нужно просто уехать.

Хотя, кое-что в планах все же пришлось поменять. Поэтому сзади теперь им жарко дышал в спину Акито, плотно утрамбованный среди сумок. Флор с Бриджит уже закрывали гараж, когда из-за угла показался он. Неторопливо перебирая лапами, Акито шел по направлению к ним, будто бы прекрасно все понимая, будто просто вышел прогуляться и успокоить своих хозяек, показав, что он в порядке.

Бриджит не выдержала и, на ходу роняя крупные слезы, побежала к нему на встречу, забыв о просьбе Флор, не пла-

кать перед псом. Она ревела, обхватывая его шею изо всех сил. Флор подошла к ним и тоже присела рядом. Погладила Акито по спине и с нежным упреком добавила: «Ты опазды-ваешь, дружище, бегом в машину».

Акито побежал в машину, бешено виляя хвостом и оглядываясь на визжащую сзади от восторга Бриджит. Флор же была вынуждена набрать Майклу и предупредить его об изменении в планах. Ей показалось, что от этого он еще больше расстроился. Да чему тут казаться, конечно же, Акито был однозначным шансом для них встретиться еще раз, поговорить, задать обдуманнные за это время вопросы, а теперь и он пропал.

Машина плавно летела над дорогой. Первый вздох свободы. Первый свободный выдох. Куда приведет их этот путь? Что ждет их за этими поворотами? Они просто едут вперед, по одному из миллионов шоссе, и ничего не хотят знать о том, что их ждет. Флор всматривалась вдаль, немного шурясь от ярких лучей солнца. Огромное уже заходящее солнце, бесконечная гладь дороги, пыль, забивающаяся в глаза. Гитара, звучащая из динамиков. Ощущение свободы, пережитое горе, оставленный родной дом. Разбитое сердце... Ощущение того, что где-то здесь, именно в этом самом месте, и произошла эта авария. Авария, которая не показывалась в новостях, о которой не сообщалось по радио. Авария, которая разрушила все. Унесла с собой самое дорогое, что могла. Жизнь двоих людей...

Бриджит оторвалась от карты и, порывшись в рюкзаке, достала из него диск: «Флор, ты не против, если я поставлю свой диск?»

Флор: «Что за диск?»

Бриджит: «RHCP Californication, поедем, как в том крутом клипе „Scar Tissue“ руки по ветру, над головой только синее небо, а впереди – бесконечный горизонт... По моему это даже то же самое место, что и в клипе, посмотри ка вокруг!»

Флор кивнула: «Давай, запомним этот момент»

Как же давно это было, когда они в последний раз подпевали слова этой песни, мечтая каждая о своем. Бриджит тогда мечтала о самостоятельности и первой любви, а Флор – быть очень успешной и счастливой в Нью-Йорке. Даже машина будто ожила. Краска кое-где слегка облупилась. Кое-где легкая ржавчина разъедала «кожу» машины, пробираясь к самому ее сердцу, но в целом она была красавицей. Как Флор и ее сестра. Флор уже обожала эту машину. Ее ожидания, наконец, воплотились в жизнь. Отец никак не решался отдать дочери Mustang, переживая за то, что она может не совладать с его мощью и откладывал этот момент на потом. Теперь же Флор могла ощутить её прикосновением пальцев, вдохнуть воздух салона. Запах, который Бриджит никак не могла понять, кому же он принадлежит: Флор или машине. Возможно им обеим...

Они изредка останавливались, размять ноги и дать прогу-

ляться Акито, но совсем не надолго. Флор мечтала добраться до намеченного места хотя бы к ночи, но с каждым проносщимся часом, она понимала, что шансов на это ноль и перестала куда-либо торопиться.

Когда Флор обратилась к сестре с просьбой достать пачку сигарет из сумочки, Бриджит, уставшая смотреть на однообразный пейзаж за окном, уже спала. От солнца оставался совсем маленький, не ровный кусочек, а через несколько минут, и он исчез из виду. Один за другим стали зажигаться фонари. А может быть, они уже давно горели. Флор чувствовала какое-то странное спокойствие. Она ни о чем не думала, за несколько часов в голове не возникло ни одной мысли. Некуда было спешить. Они никуда не опаздывали. И даже когда кончик полоски для снятия пленки с пачки оторвался, Флор спокойно расковыряла пачку ногтем.

Глубокие длинные затяжки. Теперь только время покажет, стоило или нет принимать такие скоропостижные решения. Сигарета дотлела до конца. Акито сзади тихонько поскуливал во сне. По расчетам Флор до Портленда оставалось, где-то три-четыре часа езды. Скоро и она сможет спокойно закрыть глаза, чтобы наконец-то отдохнуть.

*

Окончательно рассвело. Флор окончательно вымоталась, спать хотелось безумно. Руки держали руль вяло, даже ку-

ритель не было сил. Единственное, что она была сейчас в состоянии делать, это держаться своего ряда, и злиться на то, почему Бриджит было всегда плевать на вождение!...

В первый и в последний раз она села за руль, когда они вдвоем с Флор ехали к друзьям Майкла в домик на озере. Тогда Бриджит выкинула в окно любимый диск Флор, игравший уже по четвертому кругу. К несчастью Бриджит, диск был не только любимый, но и единственный в машине. Они ехали по лесу. Уже стемнело. Флор достала из бардачка фонарик, взяла толстовку и вышла из машины. Тогда Бриджит долго просидела одна в темном лесу в полной тишине, прислушиваясь к каждому шороху, в надежде на то, что сестра струсит идти одна по лесу, очень скоро замерзнет и вернется обратно в машину. Постепенно надежды Бриджит таяли... Пение вслух не помогало, а из темноты за окном до её резко обострившегося слуха так и норовили донестись сомнительные, навивающие ужас звуки. После долгого протирания глаз, Бриджит пересела за руль. Припомнив давнишние уроки Флор, придвинув кресло вплотную к рулю, насколько это было возможно, чтобы согнуть ногу в коленях – с десятого раза, чертыхаясь, она все же медленно тронулась с места, изо всех сил вглядываясь в кусочек дороги, освещенный ближним светом фар. Миновав полмили и свернув за поворот, Бриджит оказалась прямо у ворот дома, из-за которого в свете луны виднелось огромное озеро. К тому времени, как Бриджит заявила в дом с недовольной физиономией и крас-

норечивыми словами ругательств, Флор уже успела перекусить и вместе с Майклом стояла в прихожей, собираясь идти за сестрой.

Чувствуя, что даже радио на полную громкость не спасает, и сейчас она ничком грохнется на руль и заснет, Флор резко затормозила, выскочила из машины и принялась, как когда-то ее учил отец, делать безумную зарядку. На дне бутылки оставалось еще немного воды, чтобы умыться. Было безумно жарко, как в пустыне. Флор даже пожалела о том, что она не в пустыне, потому что, там хотя бы есть шанс на оазис, а шанс хоть на самую захудалую заправку, где можно было бы пропустить стаканчик прохладной воды, по этой дороге видимо равнялся нулю. Бензин заканчивался, а конца пути все так и не было видно.

Из машины вслед за ней выпрыгнул Акито. Дав ему немного перекусить и разделив с ним последние капли воды, Флор, разложила на капоте измятую карту и всматривалась уставшими глазами в паутинную сетку дорог, пытаясь отыскать свою. Попробовать тормознуть кого-то? Вряд ли кроме них здесь едет еще кто-то не имеющий ни малейшего представления, что это за местность. Машины проносились мимо, никому не было дела до чужих проблем и времени для оказания совсем ни к чему не принуждающей помощи.

«Черт!!!», – через пятнадцать минут Флор сдалась, села обратно за руль и тронулась вперед. Решив, что если через десять минут указатель так и не появится, она тормо-

зит и будит сестру, чтобы получить возможность хотя бы на час спокойно прикрыть глаза. Но от Бриджит толку мало, она, недолго думая, сама заснет и будет сопеть, как ни в чем не бывало, позабыв обо всех наставлениях сестры. Поэтому вся надежда за новым поворотом. Вторым, третьим... Неужели?! Впереди за холмом, куда уходила дорога, показался указатель, большой, и ослепительно светящийся на солнце. Так, если верить ему, то справа должен был быть поворот, свернув по которому можно было попасть в город Сиэтл.

Заново потормошив карту, и, наконец, разобравшись, где они, Флор стряхнула с себя сонливую усталость. Теперь у их дороги появился пункт назначения. Цель вынужденного путешествия. Бриджит во сне что-то пробубнила. Флор краем глаза взглянула на сестру. Между ними и раньше была тесная связь, а сейчас она стала почти неразрывной. Флор знала, что не смогла бы быть сильной, если бы не слабая Бриджит. И пусть от сестры никакой практической пользы, но она умеет поднять настроение в нужный момент.

«У нас же все будет хорошо?», – неожиданный вопрос Бриджит, которая уже давно проснулась и просто сидела с закрытыми глазами, заставил Флор улыбнуться. Она кивнула и провела свободной рукой по плечу сестры: «Обязательно... обязательно!»

На окраине Сиэтл был очень похож на их родной городок. Настолько похож, что Флор даже испугалась, когда увидела те же дома и сквер. Но, кое-что отличало его даже невооруженным взглядом: беловершинная гора монументально возвышалась над соперниками-небоскребами, зелень, цветы и вдалеке – сизая полоса океана. Это была невероятная красота.

Когда они въехали в город, в Сиэтле уже вовсю бурлила жизнь. Асфальт жарил духотой, пышные кроны деревьев и аккуратные газоны давали приятное убежище в своей тени. И везде, везде – клумбы и цветы. А воздух – пропитан океаном, такой не спутаешь ни с чем.

На улицах было много красивых витрин, из кафешек доносились приятные ароматы кофе и свежей выпечки, по улице постоянно шли люди. Кто-то гулял, кто-то спешил на работу, кто-то выгуливал собаку или читал газету, сидя на скамейке в сквере. Здесь все было иначе. Солнце светило ярче, трава была зеленее. Флор думала про себя, что хотя она и пробыла в этом городе меньше получаса, здесь ее сердце снова забилося спокойно. То, чего она и хотела получить, когда давила на газ, смываясь прочь из родного города.

А еще она, как и все остальные пассажиры, очень хотела есть и пить. Купив в ближайшем супермаркете воды, они

напоили и накормили Акито, и нашли стоянку в тени деревьев. Тут можно было оставить его на какое-то время, чтобы самим утолить голод и все остальные скопившиеся потребности. Рядом со стоянкой отыскалось небольшое кафе. Обилие дерева, ситцевых занавесок, керамических тарелок и достаточно дешевое меню – это им подходило. Флор хотелось хотя бы часик просто посидеть, расслабиться и посмотреть в окно со статичной картинкой. Бриджит, конечно же, хотела туда, в шумные, центральные с более дорогим средним чеком заведения, ведь они забрались так далеко от дома, что по внешним ощущениям все это было больше похоже на какие-то внезапные каникулы, а на каникулах было позвоительно заходить в места по вкусу, а не по бюджету. Но она не претендовала и старалась, как могла, поддержать Флор.

В кафе сели за уютный столик у окна, из которого можно было наблюдать парковку. Бриджит из-за голодной эйфории заказала себе с каждой из четырех страниц меню по одному блюду и десерт, Флор ограничилась двумя. Ей безумно понравилось, что в этом городе даже официанты улыбаются. Ей так не хватало простой улыбки от чистого сердца. И даже если они улыбались по долгу службы, её это устраивало. Бриджит уже после второго блюда с легкой руки отреклась от родины и нахваливала здешнее обслуживание, кухню, исполнение декора, одежду, в которой на улице молодые парни и девушки проходили туда-сюда мимо окна их столика.

Флор тоже стала вглядываться в окружающий пейзаж

за стеклом, пропуская мимо ушей болтовню сестры. Вроде бы все налаживается, на улице стоит замечательная июльская погода, они с сестрой без особых приключений добрались до места, которое пока им обоим очень нравится. Но почему же на сердце такая тоска?

Тревожные мысли не покидали ее уставшую голову. Больше всего она переживала из-за денег. Вдруг их обокрадут, обманут, кинут. Куда им сейчас идти, с чего начать? ... Где найти кров и работу? Она так не хотела, чтобы реальная жизнь опять сгущала краски. Но сейчас приходилось думать реалистично. Любая комната или квартира более-менее пригодные для жизни с дешевой арендной ставкой – сейчас идеальный вариант для них... Им нужно было найти место, где они могли бы закрепиться в новых обстоятельствах, немного прийти в себя. Но одно ее неизменно радовало, что они взяли с собой Акито, этой муки совести она бы уже не выдержала.

Когда они снова вышли на улицу, солнце, казалось, стало светить еще ярче, но уже не так отчаянно палило, как в полдень. Флор посматривала по сторонам в поисках гостиницы. Спать уже не хотелось, но жуткая усталость неизменно ощущалась во всем теле. Она представила, как после второго тяжелого дня доползет до кровати в их новом жилище, после горячего душа и погрузится в моментальный глубокий сон... Если бы все было так просто. Но тратить лишние деньги на ночь в отеле – крайне неразумно. Не надо терять вре-

мя, стоит хотя бы попытаться.

Пока Флор скармливала Акито остатки своего обеда, Бриджит нашла себе место на асфальтовом бордюре в тени здания, и, упершись локтями в колени, грызла заусенец на большом пальце, старательно размышляя вслух, с чего они могли бы начать поиски жилья.

Протирая руки салфеткой, Флор встала и посмотрела на сестру: «Пойдем уже... и кончай ногти грызть, глисты заводятся»

«Флор!!!! Дура!!!!»

*

Во время их обеда, а точнее пока ждали заказ, Флор успела пролистать каталог местных гостиниц, многие из которых были неподалеку от места, где они оставили машину. Но разместиться с собакой можно было далеко не везде, а точнее почти нигде. Поэтому снять жилье им нужно было в любом случае как можно скорее, предрассудки о жизни в мотелях и всех вытекающих из нее последствиях не давали воображению Флор покоя. Помахав перед носом Бриджит каталогом недвижимости, захваченным ею с собой, она предложила: «Итак, начнем с середины, в начале обычно помещают самые дорогие предложения, а в конце – наверняка уже не актуальные»

Бриджит: «Возражения принимаются?»

Флор немного призадумалась: «... А есть?»

Бриджит многозначительно подняла глаза вверх и пожевала нижнюю губу: «Да нет, вроде»

Прошло полтора часа. Жара постепенно спадала. Бриджит, облокотившись на дерево, щурилась и всматривалась вдаль сквозь солнечные лучи. Время шло, а они получали отказ за отказом от собственников потенциального жилья или их агентов: то их не устраивала арендная ставка, то им отказывали по причине их небольшого возраста и вероятной неплатежеспособности, ну и, конечно же, в дополнение ко всему или независимо ото всего, из-за Акито.

По Флор уже было видно, что она безумно устала и любой внешний раздражитель заставит ее высказать свое мнение обо всей этой ситуации диким криком. Бриджит заметила эти пунцовые края щек и выпирающие желваки – явный признак того, что ее старшая сестренка не в духе. Поэтому они шли молча. Спустя час такой прогулки, получив несколько дополнительных отказов, и, оказавшись уже чуть ли не за чертой города, Флор со вздохом опустилась на ступеньку лестницы, ведущей к небольшой детской площадке, тяжело вздохнула и обхватила голову ладонями: «Надоело, все, больше не могу! Что за унижение такое? Кому какое дело, откуда у нас деньги, чем мы занимаемся, откуда приехали?! Черт... Зажигалка сломалась, у тебя есть?»

Бриджит отрицательно помотала головой.

На противоположной стороне дороги в припаркованной

машине выцветшего коричневого цвета кто-то курил в окно. Флор подскочила и быстрым шагом направилась к авто. Бриджит, придерживая Акито, проследовали сзади, несколько опасаясь сидящего в ней темнокожего типа, напоминающего ребят из ночных криминальных сводок.

«Простите, у вас зажигалки не найдется?...», – Флор склонилась у приоткрытого окна припаркованной к бордюру машины.

Окно медленно опустилось. Но мужчина в ней просто сидел и смотрел вперед перед собой, будто не сам только что крутил оконную ручку. Темно-зеленая вязаная шапка, дреды, несколько цепочек на шее с листом канабиса и мелодичное регги из динамиков авто – подсказали Флор, что он из культуры растаманов. Из салона от обшивки сиденья потянуло запахом травы. Не получив ответ, Флор еще раз решила повторить свой вопрос: «Эээ... извините, у вас зажигалки не найдется?», она выставила вперед сигарету, будто чтобы показать причину беспокойства.

«Спички подойдут?», он протянул Флор коробок.

«Да, конечно, спасибо»

Прикурив, Флор собралась было вернуться к Бриджит, но неожиданно развернулась и вновь обратилась к нему: «Простите, вы местный?»

Человек сосредоточенно посмотрел на нее: «В каком-то плане, да»

Флор не стала допытываться, в каком именно плане, и сра-

зу же обрушила не него свою проблему: «Дело в том, что мы здесь первый день, нужен надежный угол, где можно было бы разместиться на некоторое время, уже весь город обошли, но ничего по карману найти так и не смогли, а то, что смогли, нам не сдают. Может быть...», она внимательно взгляделась в профиль мужчины, чтобы понять слушает и слышит ли он ее «... может, вы знаете – куда нам можно обратиться за помощью? С нами еще собака», и добавила: «меня Флор зовут» «Еллоу, такое место я знаю»

Флор не смогла понять – это он представился сначала, а потом сказал про место. Либо это место так называется...

Она устало вздохнула: «Простите, я не совсем поняла, вы нам покажете, как к нему проехать?»

Он просто кивнул.

Мда, неразговорчивый тип. Наверное, у него депрессия – решила Флор.

«Зови подругу и пса, я вас туда отвезу»

В пути выяснилось, что зовут его Еллоу, для друзей – Эл. Такой неразговорчивый он был, потому что незадолго до этого выкурил косячок, ловил кайф и разговаривать совсем не хотелось. Видимо действие косяка закончилось, потому что весь путь он болтал без остановки. Перебивая голос Боба Марли из динамиков, он поведал им про свою философию, что старается всегда сам себе готовить еду (правда, намекнул, что не всегда удается это соблюдать), практически не пьет алкоголь и коровье молоко. Нельзя есть соль,

морепродукты и одевать на себя вещи, которые носили другие люди.

Бриджит попробовала было представить себе, каково это жить без какао? А фирменный пирог Флор с лососем, такой больше никто не приготовит! И как же не примерить новое платье сестры, пока она не видит?

Нет, определенно, эта травяная религия не для нее.

*

Дом был самый обычный. Если можно так выразиться – «среднего телосложения». Флор смутила только его раскраска: белые стены и терракотовые окна с дверьми. У Бриджит же, напротив, загорелись глаза, и последующие несколько минут она выражала свое восхищение этому цветovому решению. Район, где находился дом, располагался достаточно далеко от центра города, но это было и не важно. Важно было соотношение приемлемого качества и умеренной стоимости за сдаваемое жилье и, конечно же, разрешение держать в нем собаку. Флор и мечтать о таком не могла! А подкрасить стены и подклеить обои, где надо, можно будет и самим.

Через полчаса к ним прибыл хозяин дома, довольный неожиданной находкой Елоуа, открыл дом, все показал, рассказал про соседей и основные достоинства этого места. Назвал ежемесячную арендную ставку. Осмотревшись и при-

кинув, сколько долларов наличными у нее лежит в сумке, Флор кивнула. По рукам. Бриджит кашлянула, все повернулись к ней. «ПО РУКАМ!», ведь ее мнение тоже должно быть услышано. Подписали самодельные, основанные на доверии между участниками сделки бумажки и заплатили задаток за три месяца вперед. Флор, наконец, улыбнулась.

Уже почти стемнело, когда они вернулись обратно к дому, забрав со стоянки машину, и стали вытаскивать немногочисленные вещи из багажника на крыльцо. Ещё ночью в пути Флор обнаружила под сиденьем машины непечатую бутылку виски, и предусмотрительно спрятала её в рюкзак. По прямо наклеенной с голографией этикетке и красивой крышечке можно было решить, что виски явно стоящее. Наверно, отцу его подарил кто-то из приятелей. Видимо он забыл о нем, и бутылка так и осталась не у дел. Флор подошла к машине, где Бриджит уже который час доканывала Эла уточняющими растаманскими вопросами, но ему, видимо, все нравилось, и он с удовольствием давал ей самые обстоятельные ответы.

Флор: «Спасибо тебе огромное, Эл, что ты полдня потратил, чтобы помочь совершенно незнакомым людям. Возьми, это тебе от нас (она протянула ему немного денег и бутылку виски)».

Елоу, как всегда, широко улыбнулся, обнажив сверкающие даже в темноте белоснежные зубы. Отказываться и смущаться он не стал: «Спасибо, девчонки. Денежку возьму, она пойдет на пользу. А спиртное оставьте себе, обмоете ново-

селье. Был рад вам помочь. Не знаю, чего вы сюда переметнулись в одиночку, но ничего, обживетесь. Давайте, располагайтесь. Я не прощаюсь, на связи, если что», и он сунул в ладонь Флор клочок мятой бумаги с написанной на нем комбинацией цифр.

*

Флор вошла первая, глубоко вдохнула спертый, пыльный воздух. Первое впечатление – родным этот дом уже не будет никогда. Бриджит, как ни странно, было уже плевать, где спать: в доме с дерзкой раскраской или в парижском «Ритце» – лишь бы не на улице. Акито, виляя хвостом, пробежал внутрь и сел у лестницы на второй этаж. Обычно, заходя в свое новое жилище, постоянное или на время, люди хотя бы пару минут оглядываются, молчат, привыкают. Нет, здесь ничего такого не было. Флор бросила сумки на пол и сразу же поспешила искать, где в этом доме находятся туалет и душ. Бриджит села на пол по-турецки на свой чемодан и, достав из рюкзака припасенный после обеда пирожок с мясом, пару раз откусила от него, отдав остаток Акито: «Вот так. Будто родились здесь. А красивые сцены можно и в кино посмотреть»

Комнат было немного. Две на втором этаже и одна большая гостиная – на первом. Плюс кухня. По тому, как человек хранит свои вещи и как украшает обиталище – можно со-

ставить общее впечатление о его характере. Выйдя из душа уже в халате, Флор плеснула себе в стакан для зубных щеток немного виски и, держа его в одной руке, а в другой – чемодан, пошла выбирать – какая из двух комнат будет ее. Выбор стал очевиден уже через минуту – продолговатая комната с пепельно-серым оттенком стен. Нет, не потому что Флор не любила жизнерадостных цветов, просто другая комната была с жуткими обоями в ярко рыжие (даже не красные!) маки с кислотно-салатовыми листьями. Бриджит взяла вторую и была очень довольна, поскольку эта комната была значительно меньше, а она ненавидела убираться. Неожиданно, даже через две стенки Флор услышала, как сестра зовет ее, истошно вопя.

«Ну, что ещё?», – уставшая Флор хмуро подошла к сестре, в соседнюю комнату. Бриджит с широченной улыбкой, несмотря на Флор, проямлила: «Ничего-ничего, проверяла какая здесь слышимость», и с загадочной улыбкой добавила вполголоса: «Кто знает, чем я здесь буду заниматься».

Флор не выдержала: «Я тебе скажу, чем ты здесь будешь заниматься – драить полы и выскребать остатки жратвы из-под кровати!», – и с грохотом закрыла дверь, с другой стороны.

*

Все окна были наглухо занавешены. Энергия улиц не мог-

ла пробиться сквозь плотную синтетическую ткань. В этом доме уже давно не было жизни. Даже пыли почти не было, что несказанно порадовало Бриджит. Флор было все равно где оставить свои вещи, но ее, несомненно, радовала и успокаивала хоть какая-то стабильность на ближайшее время. Бриджит же хотела сделать из этого сарая свой дом... Дом, куда ты приходишь с радостью. Дом, хранящий твой запах. Дом, где развешаны постеры твоих кумиров. Дом, где легко дышать и не так больно плакать по ночам.

Утром Бриджит первым делом выкинула все вещи из сумки на кровать и, недолго думая, в два приема затолкала их в шкаф, живописно забив все полки разноцветным тряпьем. Потом зачем-то долго ползала под кроватью. Надежда на чудо не подвела. Старый дешевый радиоприемник со сломанной антенной. Только ей и Богу было известно – зачем он ей понадобился. На подоконнике стояла засохшая герань. Оживить ее были не в силах даже боги Олимпа. Поэтому Бриджит решила, что лучшим дизайнерским ходом будет очистить горшок от сухоцвета и лаком для ногтей нарисовать на нем кривые яркие герберы. Поэтому, когда Флор вошла в ее комнату, она красным лаком заполняла лепестки. Флор на несколько секунд задержала дыхание, чтобы не спугнуть мгновение... Та же поза – подогнутые под себя ноги, голова на бок и волосы, убранные за уши... Бриджит всегда ненавидела, когда волосы убирались за уши, и только когда она рисовала – ничто не должно было ей мешать. Флор улыбнулась.

Те же резкие движения и неправильно подобранные краски. Еще один изуродованный горшок. Раньше это были мамы горшки, которые словно стесняясь своей неестественной окраски и жутких рисунков, прятались за широкие спадающие листья растений.

Флор: «Бридж, ты опять за старое или решила немного подзаработать?»

Бриджит, держа во рту кисточку от золотистого лака и не отрываясь от творения: «Ф шмышле?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.